

ВАСИЛИЙ ОСИПОВИЧ

КЛЮЧЕВСКИЙ

*КРАТКИЙ КУРС
ПО РУССКОЙ ИСТОРИИ*

*Книги, изменившие мир.
Писатели, объединившие
поколения.*

р у с с к а я к л а с с и к а

Эксклюзив: Русская классика

Василий Ключевский

Краткий курс по русской истории

«Издательство АСТ»

УДК 94(470)
ББК 63.3(2)

Ключевский В. О.

Краткий курс по русской истории / В. О. Ключевский —
«Издательство АСТ», — (Эксклюзив: Русская классика)

ISBN 978-5-17-187648-7

«Краткий курс по русской истории» — популярное изложение истории нашей страны. Оно охватывает обширный период, начиная с глубокой древности — эпохи расселения восточных славян и формирования Русского государства — и заканчивая началом XX века, временем правления Николая II. Автор рассматривает различные аспекты жизни человека, которые повлияли на ход развития истории России, — от политики и экономики до культуры и религии, при этом использует различные археологические и этнографические данные, а также фольклор, что делает книгу интересной для широкого круга читателей.

УДК 94(470)

ББК 63.3(2)

ISBN 978-5-17-187648-7

© Ключевский В. О.
© Издательство АСТ

Содержание

Природа Восточно-европейской равнины	6
Древнейшие известия о народах Восточной Европы	10
Восточные славяне	13
Быт славян восточных	15
Предание об основании Русского государства	19
Конец ознакомительного фрагмента.	20

Василий Осипович Ключевский

Краткий курс по русской истории

© ООО «Издательство АСТ», 2026

Природа Восточно-европейской равнины

В географическом очерке страны, предпосылаемом общему обзору ее истории, необходимо отметить те физические условия, которые оказали наиболее сильное влияние на ход ее исторической жизни.

Две особенности отличают Европу от других частей света и от Азии преимущественно: 1) *разнообразие форм поверхности*, 2) *чрезвычайно извилистое очертание морских берегов*. Нигде горные хребты, плоскогорья и равнины не сменяют друг друга так часто, на таких сравнительно незначительных пространствах, как в Европе. Здесь на 30 кв. миль материкового пространства приходится 1 миля морского берега, тогда как в Азии 1 миля берега приходится на 100 кв. миль материкового пространства. Наиболее типичной представительницей этих особенностей Европы является южная часть Балканского полуострова, древняя Эллада: нигде море так не избороздило берегов, как с восточной ее стороны; здесь такое разнообразие в устройстве поверхности, что на пространстве каких-нибудь двух градусов широты можно встретить почти все породы деревьев, растущих в Европе, а Европа простирается на 36 градусов широты. Европейская Россия не разделяет этих выгодных природных условий Европы, или, точнее, разделяет их в одинаковой степени с Азией. Море образует лишь малую долю ее границ; однообразие – отличительная черта ее поверхности. На огромном протяжении это – равнина, волнообразная плоскость в 90 000 кв. миль, т. е. площадь, равняющаяся более чем 9 Франциям и очень немного сравнительно приподнятая над уровнем моря. Даже в Азии, среди ее громадных сплошных пространств одинаковой формации, такая равнина заняла бы не последнее место: так, Иранское плоскогорье почти вдвое меньше ее. В довершение сходства с Азией эта равнина на юге переходит в обширную маловодную и безлесную степь тысяч в 10 кв. миль, приподнятую всего сажень на 25 над уровнем моря. По геологическому строению эта степь совершенно похожа на степи Азии, а географически она составляет их прямое, непрерывное продолжение, соединяясь с азиатскими степями широкими воротами между Уральскими горами и Каспийским морем и простираясь сначала широкою, а потом все суживающейся полосой по направлению к западу, мимо морей Каспийского, Азовского и Черного. Это как бы азиатский клин, вдвинутый в Европейский материк и тесно связанный с Азией исторически и климатически. Урало-Каспийскими воротами издавна хаживали в Европу азиатские кочевые орды. Умеренная Западная Европа не знает такой изнурительной летней жары и таких страшных зимних метелей, какие бывают здесь, а последние заносятся сюда из Азии.

Климат. От однообразия формы поверхности в значительной мере зависит и *климат* равнины. На огромном пространстве от линии Вайгачского пролива (Югорского Шара), почти под 70° с. ш., до 44° с. ш. идущего по северному предгорью Кавказского хребта, мы ожидаем резких климатических различий. По особенностям климата наша равнина делится на 4 климатических пояса: *арктический*, по ту сторону Северного полярного круга, *северный*, или холодный, от 66,5° до 57° с. ш., *средний*, или умеренный, охватывающий центральную полосу равнины (57–50°), и *южный*, теплый, или степной. Но климатические особенности этих поясов гораздо менее резки, чем на соответствующем пространстве Западной Европы; однообразие формы поверхности делает климатические переходы более постепенными. В Европейской России нет значительных гор меридионального направления, которые производили бы резкую разницу в количестве влаги на их западных и восточных склонах, задерживая облака, идущие со стороны Атлантического океана, и заставляя их разрешаться обильными дождями на западных склонах; нет в России и значительных гор поперечного направления, идущих с запада на восток, которые производили бы значительную разницу в количестве теплоты на севере и на юге от них. Ветры, беспрепятственно носясь по всей равнине, сближают в клима-

тическом отношении места, очень отдаленные друг от друга по географическому положению. Моря, которые окаймляют Россию с некоторых краев, производят слабое действие на климат внутреннего пространства страны; из них Черное и Балтийское слишком незначительны, чтобы оказывать заметное влияние на климат такой обширной равнины, а Ледовитый океан со своими глубоковрезывающимися заливами на большую часть года остается подо льдом, перестает быть морем. Если вы взглянете на карту Европы, на которой обозначено распределение теплоты, то заметите, что изотермы, чрезвычайно изогнутые на западе, заметно выпрямляются по направлению к юго-востоку, как только заходят в пределы нашей равнины.

Описанная форма поверхности страны объясняется *геологическим* ее происхождением. Ее поверхность состоит из рыхлых наносных пластов, покрывающих гранитную площадь; на них лежат холмы, которые и придают равнине волнообразный вид. Эти пласты, состоящие из смеси песка и глины, лишены в южной части равнины всякой плотности, становятся зыбучими. На обширном пространстве нашей равнины эти пласты имеют такое однообразное строение, которое заставляет предполагать и одинаковое их происхождение. В этих наносных слоях находят стволы деревьев, остовы допотопных животных, а по степи рассеяны каспийские раковины. Все эти признаки заставили геологов предположить, что наша равнина, если не вся, то на большей части своего протяжения, была некогда дном моря, отступившего с нее в сравнительно позднее время. Берегами этого моря были горы Карпатские и Уральские, чем и объясняется присутствие больших залежей каменной соли в этих горах. Воды, покрывавшие равнину, отступили в обширный водоем, называемый Каспийским морем. Отступление это, вероятно, произошло вследствие понижения дна этого моря. Осадки, отложившиеся при отступлении моря, и образовали те однообразно расположенные глинисто-песчаные пласты, из которых состоит почва нашей равнины. Геологи думают даже, что море отступило не сразу, а в два приема; они находят признаки того, что северный берег этого моря шел некогда приблизительно по 55° с. ш., т. е. немного южнее впадения Камы в Волгу. Потом это море отступило к югу еще градуса на четыре, и его северным берегом стал Общий Сырт, острог, идущий от южной оконечности Уральского хребта и перерезывающий Волгу между Саратовом и Царицыном. Геологи думают так, основываясь на резкой разнице почвы и флоры по северной и южной сторонам Общего Сырта, а также на том, что уровень страны на юге от него значительно ниже, чем на север.

Несмотря на такое однообразие равнины, всматриваясь в нее пристальнее, можно заметить некоторые местные особенности, которые, по-видимому, также тесно связаны с геологическим происхождением страны и имели большое влияние на ее историю.

Почва. Обозначенное пространство между 55° с. ш. и линией Общего Сырта, раньше освободившееся от моря, почти совпадает с полосой наиболее толстого чернозема на нашей равнине. Этот чернозем, как думают, образовался вследствие продолжительного гниения обильной растительности, вызванной здесь благоприятными климатическими условиями. Между тем пространство на юге от линии Общего Сырта, образующее степную полосу и позднее вышедшее из-под моря, успело покрыться лишь тонким растительным слоем, лежащим на песчаном солончаковом грунте, оставшемся от ушедшего моря. Ближе к Каспийскому морю, в степях астраханских, почва лишена и такого тонкого слоя, и солончаки прямо выступают наружу. Если южные понтийские степи еще обильны травой и в некоторых местах даже производят хлебные растения, то на Прикаспийской низменности встречается только слабая солончаковая растительность. Но даже и травянистая южная степь по тонкости растительного слоя не в силах питать древесные породы. В этом главная причина безлесия степной полосы. Таким образом в южной полосе уцелели признаки ее геологического происхождения. Вид и состав почвы прикаспийской степи заставляет предполагать, что отлив моря с нашей равнины завершился сравнительно поздно, может быть, даже на памяти людей, в историческую эпоху. Постепенная убыль морей Каспийского и Аральского продолжается и доселе. Не сохранилось ли

смутное воспоминание об этом перевороте в известиях древнегреческих и средневековых арабских географов – известиях, представляющихся на первый взгляд нелепыми, – будто Каспийское море некогда соединялось с одной стороны с Северным океаном, а с другой – с Азовским морем? Последнее очень похоже по своему очертанию и характеру на остаток пролива, быть может некогда соединявшего Каспийское море с Черным.

Таким образом геологическое строение разделило нашу равнину на две ботанические полосы, *лесную* и *степную*, которые имели сильное влияние на историю нашего народа. Отлив моря с южной части равнины произошел по склону, какой она делает к морям Черному и Каспийскому; и степной характер страны в этой части усиливается в том же юго-восточном направлении. Чем позднее вышло дно моря из-под воды, тем слабее, тоньше растительный слой, которым оно успело покрыться. Его северо-западный край обнажался раньше северо-восточного, так что северный берег отливавшего моря наклонялся к югу в западной своей части более, чем в восточной. И степная полоса имеет такое же очертание: она наиболее расширена с юга к северу в восточной своей части у Урала и постепенно суживается к западу, упираясь клином в низовья Дуная. К этой степной полосе с севера и северо-запада примыкает широкая полоса леса, образовавшегося здесь вследствие более раннего выхода этой полосы из-под моря и вследствие более прочного растительного слоя, ее покрывшего. Эта полоса леса делится по характеру почвы и растительности на две части: чернозем на юге питает *лиственный* лес; суглинок, который преобладает в составе почвы далее на север, производит лес *хвойный*. Здесь равнина делает подъем в северо-западном направлении. Этот подъем носит название *Алаунского плоскогорья*, которое далее к северо-западу переходит в *Валдайскую возвышенность*, состоящую из группы холмов от 800 до 900 футов высоты; только некоторые холмы достигают до 1000 футов.

Реки. Валдайская возвышенность имеет весьма важное *гидрографическое* значение для нашей равнины: она служит ее гидрографическим узлом. Из озер, залегающих между ее холмами, берут начало главные реки, текущие в разные стороны по равнине, – Волга, Днепр, Западная Двина. Алаунское плоскогорье составляет центральный водораздел нашей равнины и оказывает сильное влияние на систему ее рек. Наша равнина не обделена почвенной водой сравнительно с Западной Европой; обилие вод в ней зависит частью также от формы ее поверхности. В углублениях между холмами остались обширные скопы вод, которые поддерживаются атмосферными осадками. Урал задерживает облака, идущие со стороны Атлантического океана, и заставляет их изливаться обильными дождями над нашей равниной. Рыхлость почвы дает возможность водам в этих скопах находить выходы в разные стороны, а равнинность страны позволяет этим рекам принимать самое разнообразное направление, и потому нигде в Европе мы не встретим такой сложной *системы рек* с такими разносторонними разветвлениями и такой взаимною близостью бассейнов: ветви разных бассейнов так близко подходят друг к другу, что как бы переплетаются между собою, образуя чрезвычайно сложную речную сеть, наброшенную на равнину. Эти реки текут с невысокой Алаунской плоскости и потому имеют малое падение, т. е. медленное течение, причем встречаются рыхлый грунт, который легко размывается. Вот почему они делают змеевидные изгибы. Реки, падающие с значительных возвышенностей среди твердых горных пород, при своем быстром течении наклонны к прямолинейному направлению, а где встречают препятствие в твердых горных породах, там делают уклон под прямым или острым углом. Таково вообще течение рек в Западной Европе. У нас же вследствие малого падения и состава почвы реки чрезвычайно извилисты. Есть и еще особенность у наших рек, текущих в более или менее меридиональном направлении: *правый берег у нас вообще высок, левый низок*. Эта особенность оказала некоторое действие на систему внешней обороны страны и на размещение населения: по высоким берегам рек возводились укрепления и в этих укреплениях или около них сосредоточивалось население.

Таким образом, геологическим строением равнины обусловлены наиболее важные для ее истории географические ее особенности: во-первых, ее деление на полосы с неодинаковой растительностью и, во-вторых, сложность ее речных бассейнов с разнообразными направлениями и общим узлом в центре равнины. Эти полосы и эти бассейны оказали сильное действие на историю страны, и притом неодинаковое, на различные стороны быта ее населения. Различием в составе почвы разных частей равнины определились особенности народного хозяйства, смотря по тому, на какой полосе, степной или лесной, в данное время сосредоточивалась главная масса русского населения. С другой стороны, речными бассейнами направлялось размещение населения, а этим определялось политическое деление страны. Служа готовыми первобытными дорогами, речные бассейны рассеивали население по своим ветвям. Но взаимная близость этих бассейнов не позволяла размещавшимся по ним частям населения обособляться друг от друга, поддерживала общение между ними, народное единство, и помогала государственному объединению страны. Однако по речным бассейнам рано обозначились различные местные группы населения и сложились политические области, *земли*, на которые долго делилась страна. В земском и княжеском делении Древней Руси легко заметить это гидрографическое основание. Так, древняя Киевская земля – это область Среднего Днепра, земля Черниговская – область Десны, Ростовская – область Верхней Волги и т. д. Наконец, гидрографическим узлом в центре равнины намечено было средоточие государства, на ней образовавшегося.

Древнейшие известия о народах Восточной Европы

Древний мир оставил нам очень немного надежных известий о той части нашей равнины, которая раньше других пришла с ним в соприкосновение, т. е. о северном побережье Черного моря. Греки в гомерические времена пугались Понта, как они называли это море, и из их малоазиатских колоний корабли долгое время не отваживались пускаться за Босфор Фракийский. Греки долго считали Понт границей обитаемой земли. Но с течением времени открылось несколько путей, которыми в греческое общество проникали сведения о северных берегах Понта. Первый, наиболее ранний из этих путей проложили греческие колонии, которые с VIII в. до Р. Х. стали возникать по берегам Понта, сначала по южному, а потом по восточному и северному. Греческие купцы из колоний приносили в Грецию разные известия о варварском мире, облежавшем с севера Черное море. Но известия эти были сказочного характера и мало надежны. Аристотель упрекал современных ему афинян за то, что они по целым дням слушали рассказы людей, приходивших с берегов Фазиса и Борисфена (Риона и Днепра). Эти фантастические рассказы едва ли обогатили греческий мир верными сведениями о северных берегах Черного моря. Гораздо надежнее был другой источник сведений: это греческие путешественники-писатели, посещавшие северные берега Черного моря с целью изучения их. Самым важным из них был Геродот (V в. до Р. Х.), который посетил греческие колонии в устьях Днепра и Буга и сообщил соотечественникам подробное описание Южной России. Еще до него, как узнаем из его же сочинения, эти берега посетил любознательный поэт Аристей, сообщивший в своих поэмах наблюдения над обитавшими там народами. Третьим путем ознакомления греков с миром понтийских варваров служили враждебные столкновения последних с первыми. Греки узнали кое-что об этих варварах от персов, возвратившихся из похода Дария на скифов (в 513 г. до Р. Х.). Потом (около 340 г.) со скифами воевал македонский царь Филипп, который, поразив варваров, привел огромный полон тысяч в двадцать голов, который был весь обращен в рабство. Среди греков и раньше было много рабов с северных берегов Черного моря, и все они были известны под общим названием *скифов*.

Под римским владычеством этот последний путь расширился. Во время войн с Митридатом, который хотел поднять всех понтийских варваров против всемирных завоевателей, римляне обогатились новыми обильными о них сведениями. Но варвары эти начали желать и сами нападения на римские провинции. Эти нападения начинаются в I в. по Р. Х. вторжением роксалан из-за Дуная в Мизию (в нынешнюю Сербию и Болгарию). За ними следовали нападения даков, которые в том же веке успели образовать обширное государство, простиравшееся от Нижнего Дуная до верховьев Вислы, и даже принудили императора Дамициана платить им дань. Эти нападения еще ближе познакомили римлян с понтийскими варварами. Такими путями проникали в греческое и римское общество сведения, которые были изложены некоторыми греческими и римскими писателями. Есть известие, что ученик Аристотеля Клеарх написал специальное сочинение о Скифии. До нас дошло обстоятельное описание Скифии, сделанное в IV книге Геродота. За ним следовал целый ряд историков и географов, которые описывали эту страну: в I в. по Р. Х. Страбон, Помпоний Мела, Тацит, во II в. – Птолемей Александрийский. Эти писатели проводят перед нами длинный ряд разных народов, поочередно господствовавших в Южной России. Так, по рассказам поэта Аристея, по северным берегам Понта некогда обитали киссерияне, а на севере от них – скифы. При Геродоте скифы являются здесь господствующим населением. После, во времена римского владычества, географы представляют господствующим здесь племенем каких-то сарматов; за ними следовали или из них выделились роксаланы, аланы, языги и пр. Эти этнографические имена задали трудную работу исторической критике. Ученые пытались разыскать, какого происхождения были народы, носившие эти имена. Бесплодность этих попыток происходила от того, что эти

имена старались приурочить к тем географическим группам, которые сложились исторически и обособились в позднейшее время, – или к германской, или к славянской. Ученые ставили вопрос, который невозможно решить: были ли киммерияне германцы, или славяне, или же они принадлежали к кельтам? В такой постановке есть внутреннее противоречие: древние племена приурочиваются к позднейшей этнографической классификации. Сами древние географы не могли разобраться в распределении этих племен. Тацит, описывая сарматов и германцев, затрудняется сказать, к которому из этих племен принадлежали венеды и финны. Также Страбон, говоря о восточных соседях германцев бастарнах, обитавших в Южной России, замечает, что они чуть не германского племени. У Птолемея в числе народов встречаем племя, в котором так легко заподозрить славян, – племя *ставан*. Это имя соблазнило некоторых ученых, которые признали в нем новгородских славян нашей древней летописи. Разумеется, нельзя сказать, что среди этих племен не было славян, но невозможно и доказать, что они были, потому что трудно решить, когда они обособились в отдельное племя. Все эти этнографические изыскания были только упражнениями в критическом остроумии или попыткой решить уравнение с тремя неизвестными.

Известия Геродота о Скифии. Готы. Гунны. Авары. В известиях древних географов о народах, населявших Южную Россию до Р. Х. и в начале нашей эры, ценны, собственно, указания на условия жизни этих загадочных племен: под действие тех же условий встанут, несомненно, и наши предки, которые появятся в более позднее время. Геродот написал превосходную картину южнорусской степи и быта ее обитателей.

Удивляясь обширности равнины, которую он наблюдал, он всего более поражается величиной и многочисленностью рек, орошающих Скифию. В населении Скифии он различает две ветви, из коих одну составляли скифы-пахари, а другую – пастухи или скотоводы; одни были оседлые землевладельцы, другие – кочевники; пастухи господствовали над пахарями. Последние жили по Днепру и далее на запад до Днестра, а кочевники обитали на восток от Днепра до Дона, за которым в степях далее к востоку обитали другие, более дикие кочевники, очевидно будущие преемники кочевых Скифов. Эти указания очень любопытны: стоит только зачеркнуть племенные названия, и можно подумать, что Геродот излагает начало новой истории, повторяет рассказ *Повести о начале Русской земли*, как с племен, живших по Днепру и его притокам, полян, северян, радимичей, брали дань обитавшие в степях хазары, в тылу и у которых за Волгой жили еще более дикие кочевники печенеги, потом наводнившие донские и днепровские степи. Таким образом, у Геродота явственно намечены те самые три факта, которыми открывается наша история: 1) важное значение рек нашей равнины; 2) господство кочевников над оседлым населением и 3) смена одних кочевников другими. Так, скифы сменили киммериян, самих скифов сменили сарматы. Родственны ли были по своему племенному происхождению сарматы и скифы, или были совершенно различные народы, об этом ничего нельзя сказать утвердительно; но и сарматы сменили другие племена, этнографическое происхождение которых также очень темно.

Около начала нашей эры в припонтийских степях усиливаются роксаланы и аланы (вероятно, разные названия одного и того же племени); но готы уничтожают их господство. Племя готов, по сказаниям, первоначально обитало где-то на берегах Балтийского моря. Во II или III в. по Р. Х. на этом море начали появляться корабли удалых мореходов, которые Финским заливом по рекам нашей равнины проникали в Черное море и громили Греческую империю. В IV в. их вождь Германарих завоеваниями образовал обширное царство – первое исторически известное государство, основанное европейским народом в пределах нынешней России; в именах покоренных Германарихом племен, перечисляемых латинским историком готов Иорнандом (VI в.), можно разобрать поздние названия финских обитателей нашей равнины: мери, ввеси, мордвы и пр. В такой этнографической обстановке являются у того же писателя и наши

славяне под именами венетов, антов и *склавлен* (Sclaveni). Венеты, несмотря на свою многочисленность, были покорены готами. Но прежде чем владычество готов упрочилось, появились гунны, разгромили готов, перевалили за Карпаты, прошли Западную Европу и образовали новое эфемерное государство. Уже к концу V в., по смерти Атиллы, и это царство разрушилось. Спустя столетие племена, освободившиеся от гуннского ига, были захвачены новым азиатским потоком – аварами, которые в VI в. успели распространиться до Карпат и Нижнего Дуная. В предании об аварах, или *обрах*, как их называет наша Начальная летопись, является одно из восточнославянских племен под своим именем *дудлебов*. Аварское владычество продолжалось до VIII в., в конце которого авары потерпели поражение от Карла Великого в Паннонии. В то время как разрушалось аварское владычество, восточные славяне являются под игом новых кочевников хазар. Таков был ряд племенных потоков, среди которых выступают восточные славяне как обитатели нашей равнины. Когда в пределы этой равнины пришли хазары, они застали восточных славян уже на тех местах, где они обитали, по рассказу нашей *Повести о начале Русской земли*. Когда и как они появились здесь?

Восточные славяне

Их расселение. Начальная летопись не помнит времени прихода славян из Азии в Европу; она застаёт их уже на Дунае. Из этой придунайской страны, которую составитель *Повести* знал под именем земли Угорской и Болгарской, славяне расселились в разные стороны; оттуда же вышли и те славяне, которые поселились по Днепру, его притокам и далее к северу. *Повесть* приводит этих восточных славян прямо с Дуная на Днепр и не помнит, чтобы они останавливались где-нибудь на этом пути. Рассказывая о расселении славян, она различает две их ветви, западную и восточную. Славяне с Дуная расселились в разные стороны и назвались по именам мест, где поселились: одни поселились по реке Мораве и назвались моравой, другие – чехами. Это западные славяне. Восточную ветвь составляли хорваты белые, сербы и хорутане; от этих славян *Повесть* и производит те племена, которые заселяли Поднепровье. Она рассказывает, что когда волохи, по мнению некоторых исследователей, римляне при импер. Траяне, напали на славян дунайских и начали их угнетать, эти восточные славяне пришли на Днепр и стали называться одни полянами, а другие древлянами и т. д. Но византийские и латинские писатели VI и начала VII в., рассказывая о задунайских славянах, племенное имя которых (Sclabo) появляется в византийских известиях с конца V века, дают понять, что восточные славяне не прямо пришли с Дуная на Днепр. Эти писатели разделяют славян на две главные ветви: на *антов*, живших по черноморскому побережью от Нижнего Днестра до Нижнего Днепра, и на *славян* собственно, которые жили к северу от Дуная до Верхней Вислы и к востоку до Днестра. Так именно определяет границы расселения славян латинский писатель VI в., хорошо знакомый с миром задунайских варваров и сам варвар, родом с Нижнего Дуная, Иорнанд, историк готов. Значит, славяне, собственно, занимали тогда Карпатский край. Карпаты были общеславянским гнездом, из которого впоследствии славяне разошлись в разные стороны. Эти карпатские славяне в продолжение всего VI в. громили Империю, переходя за Дунай; следствием этих постоянных вторжений, начало которых относят еще к III в., и было постепенное заселение Балканского полуострова славянами. Итак, прежде чем восточные славяне попали с Дуная на Днепр, они долго оставались на Карпатах; здесь была их промежуточная стоянка. Одно из восточнославянских племен, хорватов, знает на склонах Карпат, в Галиции, и наша Начальная летопись даже в X веке, при кн. Олеге. Продолжительный вооруженный напор карпатских славян в Империю соединял их в военные союзы. Мы находим следы одного такого союза, в состав которого входили именно восточные славяне. *Повесть* о начале Русской земли составлена, очевидно, в Киеве; автор ее с особенным сочувствием относится к киевским полянам, да и знает о них больше, чем о других племенах восточных славян. Он передает ряд вражеских нашествий, испытанных этими славянами, говорит о болгарях, обрах, уграх, хазарах; но до хазар он не помнит о судьбе своих полян. Народные потоки, прошедшие по Южной России и часто дававшие больно чувствовать себя восточным славянам, как будто ничем не задели восточнославянского племени, ближе всех к ним жившего, полян. В памяти киевского повествователя XI в. уцелело от тех времен предание только об одном восточном славянском племени, но таком, которое в X в. не играло заметной роли в нашей истории. *Повесть* рассказывает о нашествии аваров на дулебов (в VI в.): «Си же Обри воеваху на Словенех и примучиша Дулебы, сущая Словены, и насилье творяху женам Дулебским: аще поехати будяше Обрину, не дадяше впрячи коня, ни вола, но веляше впрячи 3 ли, 4 ли, 5 ли жен в телегу и повезти Обрена; тако мучаху Дулебы. Быша бо Обре телом велици и умом горди, и Бог потреби я, помроша вси, и не остана ни един Обрин; есть притча на Руси и до сего дне: *погибоша аки Обре*». Очевидно, благодаря этой поговорке в *Повести* и уцелело предание об обрах. Но где были в то время поляне и почему одни Дулебы страдали от обров? Неожиданно с другой стороны идет нам ответ на этот вопрос. В 40-х гг. X в., лет за сто до составления *Повести* о начале Русской земли,

писал о восточных славянах араб Масуди в своем географическом сочинении *Золотые луга*. Описывая восточные славянские племена, он рассказывает, что некогда одно из них, коренное между ними, господствовало над прочими, имело верховную власть над ними; но потом пошли между ними раздоры, союз их разрушился, они разделились на отдельные племена и каждое племя выбрало себе отдельного царя. Это господствовавшее некогда племя Масуди называет Valinapa (волыняне), а из летописи мы знаем, что эти волыняне – те же дулебы и жили по Западному Бугу. Понятно, почему киевское предание запомнило одних дулебов из эпохи аварского нашествия: тогда дулебы господствовали над всеми восточными славянами и покрывали их своим именем, как впоследствии все восточные славяне звались *Русью* по имени главной области в Русской земле, ибо Русью первоначально называлась только Киевская область. Во время аварского нашествия еще не было ни полян, ни самого Киева, и масса восточных славян сосредоточивалась западнее, на склонах Карпат, в краю обширного водораздела, откуда идут в разные стороны Днестр, оба Буга, притоки Верхней Припети и Верхней Вислы.

Итак, мы застаем у восточных славян в VI в. большой военный союз под предводительством князя дулебов. Постоянная борьба с Византией завязала этот союз, стянула восточные племена в одно целое. Вот факт, который можно поставить *в начале* нашей истории. Со склонов Карпат восточные славяне постепенно расселились по нашей равнине. Это расселение – *второй начальный факт* нашей истории. Его можно уловить по некоторым косвенным указаниям. Византийские писатели VI и начала VII в. застают задунайских славян в состоянии необычайного движения. Император Маврикий, долго боровшийся с этими славянами, пишет, что славяне живут точно разбойники, всегда готовые подняться с места, поселками, разбросанными по лесам и по берегам многочисленных рек их страны. Несколько ранее писавший Прокопий замечает, что славяне живут в плохих, разбросанных поодиночке хижинах и часто переселяются. Наша *Повесть* о начале Русской земли, не помня о приходе славян с Карпат, запомнила один из последних моментов их расселения по Русской равнине. Размещая восточнославянские племена по Днепру с его притоками, эта *Повесть* рассказывает, что были в ляхах два брата, Радим и Вятко, которые пришли со своими родами и сели – Радим на Соже, а Вятко на Оке, от них и пошли радимичи и вятичи. Поселение этих племен за Днепром показывает, что их приход был одним из поздних приливов славянской колонизации; новые пришельцы уже не нашли себе места на правой стороне Днепра и должны были продвинуться далее на восток, за Днепр. С этой стороны вятичи очутились самым крайним племенем русских славян. Летопись говорит, что радимичи и вятичи «от Ляхов»: это потому, что область указанного водораздела, древняя страна хорватов, в XI в., когда написана *Повесть*, считалась уже ляхской страной и была предметом борьбы Руси с Польшей. Так, сопоставляя византийские известия с преданиями *Повести* о начале Русской земли, узнаем направление славянской колонизации и время, когда началась она. Византийцы перестают рассказывать о вторжениях карпатских славян в пределы Империи со второй четверти VII в., потому что расселение этих славян в разные стороны сопровождалось прекращением их набегов на Империю. Тогда заселялись славянами Польша, балтийское Поморье; тогда начало заселяться и Поднепровье.

Быт славян восточных

Племена. Мифология. Семейные отношения. В продолжение VII и VIII вв. восточная ветвь славян, сосредоточившаяся на северо-восточных склонах Карпат, отливала малопомалу на северо-восток и восток. На новых местах жительства быт переселенцев изменился во многом.

На Карпатах эти славяне, по-видимому, жили еще первобытными родовыми союзами. Черты такого быта мелькают в неясных и скудных византийских известиях о славянах VI и начала VII в. По этим известиям, славяне управлялись царьками и филархами, т. е. племенными князьками и родовыми старейшинами, и имели обычай собираться для совещания об общих делах. Трудно представить себе общественный быт восточных славян в эпоху их расселения по русской Равнине. Наша древняя *Повесть* о начале Русской земли, (описывая расселение восточных славян, пересчитывает племена, на которые они делились, указывая, где поселилось каждое. Так, на западном берегу Среднего Днепра поселилось племя *поляне*, к северо-западу от них, в дремучих лесах по южным притокам Припети, поселились *древляне*; к западу от них, по Западному Бугу, – *вольняне*, или *вулебы*; против полян, на восточном берегу Днепра, по Десне и Суле, жили *северяне*; в соседстве с ними, по притоку Днепра Сожу, сидели *радимичи*, а к востоку от них, по Верхней Оке, – *вятичи*; на верховьях трех рек – Днепра, Западной Двины и Волги обитали *кривичи*; к юго-западу от них, в болотистой и лесистой стране между Припетью и Западной Двиной, – *дреговичи*; к северу от них, по Западной Двине, поселилась ветвь кривичей *полочане*, а к северу от кривичей, у озера Ильмень и далее по реке Волхову, обитали *славяне* новгородские. Но трудно решить, что такое были эти племена, плотные ли политические союзы или простая географическая группа населения, ничем не связанные политически. По-видимому, в эпоху расселения родовые союзы остались господствующей формой быта восточных славян, как изображает его *Повесть* о начале Руси, замечая: «Живяху кождо с своим родом и на своих местах, владеюще кождо родом своим». Однако легко понять, что расселение должно было разбивать и эти союзы. Родовой союз держится крепко, пока родичи живут вместе, но колонизация разрушала совместную жизнь родичей. Родовой союз держался на двух опорах: на власти родового старшины и на нераздельности родового имущества. Родовой культ, почитание предков скрепляли обе эти опоры. Но восточные славяне расселялись по равнине разбросанными дворами. На такой порядок расселения указывает византийский писатель VI в. Прокопий, говоря, что славяне жили в плохих разбросанных хижинах и часто переселялись. Власть старшины не могла с одинаковой силой простирается на все родственные дворы, разбросанные на обширном пространстве среди лесов и болот. Место родовладыки в каждом дворе должен был занять домовладыка, хозяин двора, глава семейства. В то же время характер лесного и земледельческого хозяйства, завязавшегося в Поднепровье, разрушал мысль о нераздельности родового имущества. Лес приспособлялся к промыслам усилениями отдельных дворов, поле расчищалось трудом отдельных семейств; такие лесные и полевые участки рано должны были получить значение частного семейного имущества. Родичи могли помнить свое кровное родство, могли чтить общего родового деда, хранить родовые обычаи и предания; но в области права, в практических житейских отношениях связь между родичами расстраивалась все более. Это разрушение родовых союзов, распадение их на дворы или сложные семьи оставило по себе след в одной черте нашей мифологии.

В сохранных позднейшими памятниками скудных чертах мифологии восточных славян можно различить два рода верований. Одни из этих верований можно признать остатками почитания видимой природы. В русских памятниках уцелели следы поклонения небу под именем *Сварога*, солнцу под именами *Дажбога*, *Хорса*, *Велеса*, грому и молнии под именем *Перуна*, богу ветров *Стрибогу*, огню и другим силам и явлениям природы. Дажбог и божество

огня считались сыновьями Сварога, звались Сварожичами. Таким образом, на русском Олимпе различались поколения богов – знак, что в народной памяти сохранились еще моменты мифологического процесса; но теперь трудно дать хронологическое определение этим моментам. Уже в VI в., по свидетельству Прокопия, славяне признавали повелителем вселенной одного бога-громовержца, т. е. Перуна. По нашей Начальной летописи, Перун является главным божеством русских славян рядом с Велесом, который характеризуется названием «скотьего бога» в смысле покровителя стад. Общественное богослужение еще не установилось, и даже в последние времена язычества видим только слабые его зачатки. Ни храмов, ни сословия жрецов заметно; на открытых местах ставились изображения богов, пред которыми совершались некоторые обряды и приносились требы, т. е. жертва. Так, в Киеве на холме стоял идол Перуна, пред которым Игорь в 945 г. приносил клятву в соблюдении заключенного с греками договора. Владимир, утвердившись в Киеве в 980 г., поставил здесь на холме идолы Перуна, Хорса, Дажбога, Стрибога и других богов, которым князь и народ приносили жертвы, даже человеческие. По-видимому, большее развитие получил и крепче держался другой ряд верований – культ предков. В старинных памятниках средоточием этого культа является со значением охранителя родичей *род* с его *рожданицами*, т. е. дед с бабушками – намек на некогда господствовавшее между славянами многоженство. Тот же обоготворенный предок чествовался под именем *чура*, в церковнославянской форме *щура*; эта форма доселе уцелела в сложном слове *пращур*. Значение этого деда-родоначальника как охранителя родичей доселе сохранилось в заклинании: *чур меня*, т. е. храни меня дед. Но в народных преданиях и поверьях этот чур-дед, хранитель рода, является еще под именем *дедушки домового*, т. е. охранителя не целого рода, а отдельного двора. Таким образом, не колебля народных верований и преданий, связанных с первобытным родовым союзом, расселение должно было разрушать *юридическую связь* рода, заменяя родство соседством.

Это юридическое разрушение родового союза делало возможным взаимное сближение родов, одним из средств которого служил брак. Наша древняя летопись указывает на ход этого сближения: описывая языческий быт радимичей, вятичей и других племен, она говорит об игрищах между селами, т. е. религиозных празднествах, на которых жители сел похищали, «умыкали» себе жен по уговору с ними. Эти села – родственные поселки, разросшиеся из отдельных дворов, какими расселялись восточные славяне. На играх между селами похищали невест из чужих сел, т. е. родов, которые не уступали их добровольно при недостатке невест вследствие господствовавшего тогда многоженства. Вражда между родами, вызывавшаяся умычкой чужеродных невест, устранялась *венном*, выкупом невесты у ее родственников. С течением времени вено превратилось в продажу невесты жениху ее родственниками по взаимному соглашению, без умычки, которая заменилась обрядом *хождения зятя по невесту*. Дальнейший момент сближения родов летопись отметила у полян, уже вышедших, по ее изображению, из дикого состояния, в каком оставались другие племена. Она замечает, что у полян «не хожаше зять (жених) по невесту, но привожаху вечер (приводили ее вечером), а завтра приношаху, что на ней владуче (что за нее платили)». Таким образом, хождение жениха по невесту, заменившее насильственный акт умычки невесты, в свою очередь сменилось обрядом *привода* невесты к жениху, почему законная жена в языческой Руси называлась *водимою*. Важно то, что родственники жениха и невесты становились *своиками*, своими людьми друг для друга. Таким образом, брачный союз уже в языческую пору роднил чуждые друг другу роды. Это указывает на раннее ослабление родового союза у русских славян. В первичном, нетронутым своим составе род представлял замкнутый союз, недоступный для чужаков: невеста из чужого рода порывала родственную связь со своими кровными родичами, но не роднила их с родней своего жениха.

Города и торговля. Хазары. Большая перемена произошла в экономическом быту восточных славян, расселившихся по Днепру, его притокам и далее к северу, в области озера Ильмень. При тогдашнем значении рек как удобнейших путей сообщения Днепр был столбовой торговой дорогой для западной полосы Русской равнины: верховьями своими он близко подходит к Западной Двине и бассейну Ильмень-озера, т. е. к двум важнейшим дорогам в Балтийское море, а устьем соединяет центральную Алаунскую возвышенность с северным берегом Черного моря; притоки Днепра, издалека идущие справа и слева как его подъездные пути, приближают Поднепровье, с одной стороны, к карпатским бассейнам Днестра и Вислы, а с другой – к бассейнам Волги и Дона, т. е. к морям Каспийскому и Азовскому. Таким образом, область Днепра захватывает всю западную половину Русской равнины. Эту водную дорогу по Днепру из Балтийского моря в Черное наша летопись называет «путем из варяг в греки». Днепр и сделался для восточных славян могучей питательной артерией народного хозяйства, втянув их в сложное торговое движение, которое шло тогда в юго-восточном углу Европы. Своим низовым течением и левыми притоками Днепр потянул славянских поселенцев к черноморским и каспийским рынкам. Это торговое движение вызвало разработку естественных богатств занятой поселенцами страны. Если мы представим себе нашу равнину в том виде, какой она имела десять или одиннадцать веков тому назад, то легко можем разделить ее на две полосы – на северо-западную, лесную и юго-восточную, степную. Восточные славяне заняли преимущественно первую; самый город Киев возник на рубеже между обеими полосами. Эта лесная полоса своим пушным богатством и лесным пчеловодством (бортничеством) и доставляла славянам обильный материал для внешней торговли: меха, мед, воск стали главными статьями русского вывоза.

Одно внешнее обстоятельство особенно содействовало успехам этой торговли. С конца VII в. по южнорусским степям стала распространяться новая азиатская орда, *хазары*. Это было кочевое племя тюркского происхождения; но оно не было похоже на предшествовавшие ему и следовавшие за ним азиатские орды, преимущественно господствовавшие в южнорусских степях. Хазары скоро стали покидать кочевой быт и обращаться к мирным промыслам. В VIII в. среди них водворились из Закавказья промышленные евреи и арабы. Еврейское влияние здесь было так сильно, что династия хазарских каганов со своим двором, т. е. высшим классом хазарского общества, приняла иудейство. Раскинувшись на привольных степях по берегам Волги и Дона, хазары основали средоточие своего государства в низовьях Волги. Здесь столица их Итиль скоро стала огромным разноязычным торжищем, где рядом жили могометане, евреи, христиане и язычники. Хазары покорили племена восточных славян, живших близко к степям, северян, вятичей. Но хазарское иго доставляло покоренным большие экономические выгоды. С тех пор для них, как данников хазар были открыты степные и речные дороги, которые вели к черноморским и каспийским рынкам. Под покровительством хазар по этим рекам пошла бойкая торговля из Поднепровья. Мы встречаем ряд указаний на успехи этой торговли. Арабский писатель Хордадбе, современник Рюрика и Аскольда, писавший не позже 870-х годов, замечает, что русские купцы возят товары из отдаленных краев своей страны к Черному морю в греческие города, где византийский император берет с них десятину (торговую пошлину), что те же купцы плавают по Волге, спускаются к хазарской столице, где властитель хазарский берет с них также десятину, выходят в Каспийское море, проникают на юго-восточные его берега и даже провозят свои товары на верблюдах до Багдада. Сколько поколений нужно было, чтобы проложить такие далекие и разносторонние торговые пути с берегов Днепра и Волхова! Восточная торговля Поднепровья, как ее описывает Хордадбе, могла завязаться по крайней мере лет за сто до этого арабского географа. Впрочем, есть и прямое указание на время, когда завязалась и развивалась эта торговля. В области Днепра найдено множество кладов с древними арабскими монетами, серебряными диргемами. Большая часть их относится к IX и X вв., ко времени наибольшего развития восточной торговли Руси. Но есть

клады, в которых самые поздние монеты не позже начала IX в., а ранние восходят к началу VIII в.; изредка попадаются монеты VII в. и то лишь самых последних его лет. Эта нумизматическая летопись наглядно показывает, что именно в VIII в. завязалась торговля славян днепровских с хазарским и арабским Востоком. Но этот век был временем утверждения хазар в южнорусских степях; ясно, что хазары и были торговыми посредниками между этим Востоком и русскими славянами.

Следствием успехов восточной торговли славян было возникновение древнейших торговых городов на Руси. *Повесть* о начале Русской земли не помнит, когда возникли эти города: Киев, Чернигов, Смоленск, Любеч, Новгород и др. В ту минуту, с которой она начинает свой рассказ о Руси, эти города являются уже значительными поселениями. Но довольно беглого взгляда на географическое размещение этих городов, чтобы видеть, что они были созданы успехами внешней торговли Руси: большинство их вытянулось длинной цепью по главной речной дороге Днепра – Волхова. Возникновение этих больших торговых городов было завершением сложного экономического процесса, завязавшегося среди славян на новых местах жительства. Мы видели, что восточные славяне расселялись по Днепру и его притокам разбросанными одинокими дворами. С развитием торговли возникали среди этих дворов сборные пункты, места промышленного обмена, куда сходились звероловы и бортники для торговли, для *гостьбы*, как говорили в старину. Такие сборные пункты получили название *погостов*. Мелкие сельские рынки тянули к более крупным, возникавшим на особенно бойких торговых путях. Из этих крупных рынков, служивших посредниками между туземными промышленниками и иностранными рынками, и выросли наши древнейшие города по Днепру и его притокам. Города эти служили торговыми центрами и главными складочными пунктами для образовавшихся вокруг них промышленных округов.

Предание об основании Русского государства

С начала IX в. хазарское владычество начало заметно колебаться. Причиной этого было то, что с востока в тылу у хазар появились новые орды печенегов и следовавших за ними узов-торков. В первой половине IX в. варвары прорвались сквозь хазарские поселения и распространились по южнорусским степям. Есть два указания на это, идущие с разных сторон. В одной западной летописи, так называемой Бертинской, есть любопытный рассказ о том, как в 839 г. послы от народа *Руси* (*Rhos*), приходившие в Константинополь для подтверждения дружбы, т. е. для возобновления торгового договора, не хотели возвращаться домой прежней дорогой по причине живших по ней варварских жестоких народов. Из наших источников узнаем, какие это были народы. В некоторых редакциях *Повести* о начале Русской земли рассказывается, что Аскольд и Дир в 867 г. избили множество печенегов. Значит, печенеги уже около половины IX в. успели придвинуться близко к Киеву, отрезая Среднее Поднепровье от черноморских и каспийских рынков. Хазарская власть, очевидно, уже не была в состоянии оберегать русских купцов на Востоке. Главные торговые города Руси должны были сами взять на себя защиту торговли и торговых путей. С этой минуты они начали вооружаться, опоясываться стенами, вводить у себя военное устройство, запасаться ратными людьми. Одно внешнее обстоятельство помогло скоплению военного люда в этих городах. В первой половине IX в. на речных путях нашей равнины стали появляться заморские пришельцы из Скандинавии, получившие у нас название *варягов*.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.